

Р.А. Григоренко

«ВОЯЖ» ИЗ РОССИИ В СИБИРЬ: ОБРАЗЫ ССЫЛЬНЫХ НА СТРАНИЦАХ ПРОЗЫ Н.М. ЯДРИНЦЕВА И ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЛАСТНИЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КАНОНА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-412-243001.

В центре внимания находится корпус текстов Н.М. Ядринцева, посвященный теме ссылки в Сибирь: «Русская община в тюрьме и ссылке», ряд разделов труда «Сибирь как колония...», очерки и статьи разных лет. Ставится проблема рецепции сибирской словесностью литературы Европейской России, а именно формирования «сибирского» литературного канона: исследуются особенности рецепции, а также использования писателем современной ему литературной традиции (произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина).

Ключевые слова: Н.М. Ядринцев; ссылка; литература Сибири; областничество; литературный канон; рецепция классической литературы

Во второй половине XIX в. Сибирь, несмотря на длительное пребывание в составе Российской империи, еще не перестала быть пространством «чужим», «другим» (современные исследователи отмечают, что она «имела как бы две ипостаси: отдельность и интегрированность» [1. С. 24]). Статус региона был неоднозначным (провинция/колония), территория – недостаточно исследованной, а образ русского востока, сложившийся в культурном воображении населения европейской части России, совмещал почти взаимоисключающие характеристики: свобода от крепостного права «уживалась» на одних землях с острогами, добровольное переселение за Урал – со ссылкой, пространство, ассоциировавшееся со смертью, тьмой и холодом, оказывалось золотым дном, куда движутся «вольные переселенцы» [1. С. 25].

О Сибири, «другой» стране, требовавшей не только изучения, но и встраивания себя в национальную картину мира, сложился корпус текстов, представляющий собой восточный (с точки зрения центральной России) травелог. Произведения, объединенные темой переселения, используют образ пространства на востоке, сложившийся в коллективном воображении, отражают диалог центра и окраины империи, а также демонстрируют тематическую связь с основными областническими вопросами, которые формулировались Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым, стоявшими у истоков «местного патриотизма».

К теме переселения в Сибирь, в том числе и вынужденного, обращался целый ряд писателей, таких как Г.И. Успенский, Н.С. Лесков, А.П. Чехов [2]. Однако именно для Н.М. Ядринцева, идеолога сибирского областничества, проходившего по делу о сибирском сепаратизме в 1865 г. и сосланного не в Сибирь, а из Сибири (в Шенкурск Архангельской губернии), проблема штрафной колонизации региона является одной из самых важных (вместе с темой тюрьмы и народной колонизации Сибири). Ей посвящен целый ряд публикаций областника: «Русская община в тюрьме и ссылке» (1873 г.) [4], несколько разделов фундаментального труда «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом от-

ношении» (1892 г.) [4], а также написанные в разные годы очерки и статьи.

Творчество Н.М. Ядринцева исследовалось в различных аспектах: рассматривался процесс формирования областнической литературы [5; 6. С. 172–223], изучались культурные и политические подтексты местного патриотизма сибиряков [1, 7]. В поле зрения исследователей попадала и журналистская деятельность Н.М. Ядринцева на посту редактора газеты «Восточное обозрение» [8], был проведен подробный анализ публицистических произведений областника, связанных с темой ссылки [2. С. 134–167].

Нас будут интересовать *приемы создания образов героев, особенности типизации, а также изображения ссылки* в произведениях соответствующей тематической группы. Мы постараемся реконструировать тенденции, заставлявшие автора-областника прибегать к тем или иным формам сюжетного построения текста. Чтобы корректно проанализировать творческое наследие Н.М. Ядринцева в избранном аспекте, следует рассмотреть стратегии самоопределения писателя-сибиряка в координатах литературного канона, активного строителем «сибирской» версии которого Ядринцев был.

При разборе существующих в литературоведении воззрений на канон [9–17] мы сформировали следующий подход: под канонем мы подразумеваем группу текстов (или их создателей), выбранных на основе некоего критерия из числа прочих участников литературной борьбы не самими канонизируемыми авторами, а позднейшими литераторами; они выстраивают или перестраивают канон с целью легитимации не только собственного места в поле литературы, но самой создаваемой традиции, отвечающей их художественным воззрениям и как бы подводящей эволюцию словесности непосредственно к ним.

Для рассмотрения творческого пути Н.М. Ядринцева представляется продуктивным использовать теорию социальных полей П. Бурдьё [18]. В поле уже сложившейся русской национальной литературы, которая полвека спустя после описываемых событий будет названа классической, автор книги «Сибирь как

колония...» находится далеко от центра: нестоличное происхождение, а также верность писателя областной системе воззрений обуславливают его место на периферии. Как Ядринцев будет взаимодействовать с уже существующими в поле силами, как станет получать «освященность» (любую, кроме игнорирования, реакцию на себя), с помощью каких приемов создания текста обеспечит себе место в пространстве словесности?

В книге «Русская община в тюрьме и ссылке» (1873 г.) Н.М. Ядринцев анализирует положение людей, оказавшихся в Сибири не по своей воле. Отметим, что художественная часть представлена здесь крайне слабо, перед нами вполне научное исследование: атрибуты беллетристики возникают лишь в тех фрагментах текста, где автор приводит примеры речи ссыльных:

– И пойдешь к приятелю, – говорит *коринец*, – и скажешь: что, брат, нам себя мучить, – пойдём. Соберется нас так пять-шесть человек, запасем хлеба, выйдем на работу и ударимся на уру. [3. С. 400].

В фокус внимания автора попадают причины побегов, пути, выбираемые беглецами, особенности ссыльно-бродяжнического сообщества (самосуд, браки), а также способы борьбы с бродяжничеством. Осмыслиется областником и значение русской ссылки в Сибирь как меры наказания, ее исправительное и колонизационное значения.

В работе «Сибирь как колония...» названной теме посвящена восьмая глава «Ссылка в Сибирь и положение ссыльных» [4. С. 243–317]. Н.М. Ядринцев освещает историю ссылки в Сибирь, использует массу статистических данных: знакомит читателя с количеством сосланных людей [4. С. 246–247], с местами их расселения, указывает процентное соотношение ссыльного и коренного населения [4. С. 251–253]. Особое внимание уделяет областник проблемам побега каторжан и бродяжничества [4. С. 265–273]. Ядринцев представляет материал в форме таблиц [4. С. 246, 247, 252, 269, 271, 279], указывает процентные соотношения [4. С. 252, 269, 277, 278], ссылается на официальные документы («Из отчетов Приказа, мною лично проверенных в подлинниках, оказывается, что ссылка еще в 1866 году равнялась 10.776 чел.» [4. С. 246]) и труды других исследователей. Вся глава представляет собой научный труд, практически лишенный беллетристических черт. Художественный фрагмент вторгается в ткань повествования лишь один раз [4. С. 270–271], причем Ядринцев, допуская пересказ чужой публикации, максимально отдалается от повествования с помощью следующей ссылки: «Корреспондент одной газеты передает (1875 г.) о следующей сцене, происходившей 23 января в ярославском окружном суде...» [4. С. 270].

Наиболее интересными для анализа сюжетных особенностей и поэтики представляются ядринцевские очерки ссыльно-острожной жизни «На чужой стороне» (1872–1885 г.) и «Бойкий мужчина и сто тысяч несчастий» (1885 г.).

Для ведения повествования автор использует маску рассказчика, проводника, экскурсовода в музее: «В настоящую минуту мы просим читателей обратить

внимание на группу путешественников, которая раскинулась около него [*памятника*] отдыхом» [19. С. 65]. И этот прием, и прямые обращения к читателю, имитирующие диалог, и фигура проводника часто будут использоваться областником в прочих текстах: «Но постой, невежественный собрат мой, я покажу тебе этот прославленный город. Хочешь, я поведу тебя с собой? Смотри!» в очерке «Петербург в его прелестях» [19. С. 47], «Да, ужасное время, читатель» в «Кознях злонамеренных» [19. С. 56], «Когда я блуждал по “общим камерам” нашего “дома скорби” с моим Вергилием...» [3. С. 100].

Наряду с квазидialogом рассказчика с читателем в художественных произведениях Ядринцев использует типизацию. В очерках перед читателем предстает целая галерея различных типичных персонажей и типичных сцен. Только вводя читателей в мир каторги, Ядринцев создает широкую картину ссыльных, которая потом, по мере развития сюжета, будет уточняться. Но для начала ему нужны широкие взмахи кистью, массовые сцены, *обобщение*:

Здесь можно было видеть самые пестрые и разнообразные личности, собранные со всей России, связанные одною цепью несчастья. Около дороги сидели запыленные каторжные, осматривая и поправляя кандалы, натершие ноги, они были в поту, глухо звенели цепями, раскинувшись на придорожной пыльной траве, и тяжело дышали усталою грудью. Другие ссыльные, собравшись группами, поглядывали с любопытством на знаменательный памятник, отделявший их навсегда от родины. В среде этой партии виднелись хилые старики и молодые парни, женщины и дети, мазурики и воры больших городов, крестьяне и фабричные, дворовые люди, выбритые и в усах, разные бродяги, дезертиры и нищие, покрытые рубищами и арестантскими халатами с цветным вензелем своей губернии на спине, в толпе попадались инородцы: татары с грязными татарками, черкесы с огненными глазами, смуглые грузины в высоких шапках, лифляндцы в теплых фланелевых куртках, чухна с белыми отвисшими волосами, контрабандист-еврей с громадной семьей и много всякого другого народа [19. С. 65].

Приведенная выше сцена крайне важна, так как здесь собраны представители различных слоев общества, наделенные некоторыми атрибутами своего класса (рубища социального дна, огненные глаза черкесов, высокие шапки грузин и т.д.).

Партия ссыльных, описываемая Ядринцевым, проходит через ряд *типичных* ситуаций: гостеприимство Тюмени [19. С. 72–74], поиск земляков в тюремном замке и знакомства [19. С. 74–78], проклятия в адрес Сибири [19. С. 71, 76, 77, 83], выбор своей судьбы на поселении [19. С. 80–83] и т.д.

Весьма типичными оказываются и занятия пришедших в Сибирь ссыльных, о чем Ядринцев пишет с нескрываемой иронией:

Пробовали из них некоторые заняться педагогической деятельностью, т.е. образованием деревенской молодежи, приучая их к цигаркам, наливке, а затем краже отцовских денег. Но дела шли плохо. Отцы пронюхали и вздули и педагогов, и учеников [19. С. 87].

Мотив обучения «дикаря» ссыльным звучит и у Достоевского в «Записках из Мертвого дома» (это

очень значимый для Ядринцева текст), однако данный пассаж написан все же в духе Щедрина, напоминая одновременно и пушкинских учителей-иностранцев.

Отметим, что и каторжники чувствуют себя в Сибири чужеземцами, расставшимися с родиной Россией: «Ссылльные вполоборота еще смотрели по дороге на Россию-матушку, которую им не видать больше» [19. С. 71].

Описанный в дальнейшем повествовании конфликт сибиряков и ссылных тоже носит характер типичного, логически вытекающего из мировоззренческих установок персонажей. По мысли Ядринцева, итог их жизни всегда одинаков, предсказуем, потому что типичен:

Мы не будем следить за дальнейшей их участью.

Конец ее не трудно отгадать, хотя трудно сказать, где эти люди будут даже через день, не только через месяц. По всей вероятности, однако, что каторжный будет где-нибудь судиться за побег, взятый около Шадринска. Камердинер и маркер будут сидеть, может быть, в Омском, а может быть, в Тюменском замке, где они будут беседовать с своим петербургским земляком. Некоторые из них пойдут назад в Сибирь на заводы и в рудники, и, проходя по сибирским замкам в Томске или в Красноярске, некоторые из них, вероятно, найдут бойкого мужчину, судившегося за фальшивую ревизию. Иные, проболтавшись до осени, когда их застанут холода, сами придут проситься в тюрьму, а иные совсем пропадут бесследно, как бедный Михейко. Из года в год у многих потянется эта жизнь то в бегах, то на каторге [19. С. 110].

В очерках «На чужой стороне» мы также встретим ряд этнографических зарисовок. Самой яркой, пожалуй, можно назвать описание Тюмени:

Тюмень – это красивый город с деловым, торговым и промышленным населением, с каменными рядами лавок, заваленными товарами, с попадающими местами каменными массивными домами, запертыми, как крепости или как богатые кладовые, и с целой панорамой чистеньких и необыкновенно опрятных домиков ремесленного населения, занимающегося кожевенным и шорным производством. В этих домиках живут, обыкновенно, бойкие и красивые мешанки – черошницы [разрядка Ядринцева]. Многие из них держатся старообрядчества, и потому богомольны, и вот они-то и составляли прежде источник особой благотворительности для арестантов [19. С. 73].

Ядринцевское мышление типическими образами проявляется и в другом его фельетоне – «Бойкий мужчина и сто тысяч несчастий» (1885 г.). Подзаголовок, данный в скобках (*Из знакомых типов*), самое начало первой главы, содержащее весьма узнаваемый портрет главного героя, – все служит для создания типичности, нагнетания рутинности и обыденности изображаемых персонажей и ситуаций. Внимание к *деталю* позволяет областнику намеками очертить характер своего персонажа, которого, видимо, он считал весьма удачным, если ссылался на свой собственный текст в сборнике очерков «На чужой стороне» [19. С. 101].

Ядринцев пишет: «Имел он вид отставного военного, иногда в петличке мелькала *будто орденская*

ленточка, которая оказывалась, при пристальном взгляде, *случайной бутоньеркой...*» [19. С. 139]. Здесь акцентируется склонность *бойкого мужчины* к приписыванию себе незаслуженных званий и регалий, ведь совершенно неслучайно два названных в цитате элемента приобретают сходство в костюме персонажа. Полностью эта склонность проявится в Сибири, когда

Выигравши несколько деньжонок в гостинице «Венецианская ночь», в Томске, он вздумал предпринять более обширный план, а именно обречивозовать в качестве фальшивого ревизора, с поддельными документами, несколько глухих волостей, куда редко заезжает начальство [19. С. 101].

Фальшивый ревизор, аферист в глухой губернии весьма прозрачно отсылают нас к творчеству Гоголя. Ядринцев нагнетает аллюзии, апеллируя к читательской памяти и читательскому кругозору. В очерках появляется и образ губернаторской дочки, которую на самом деле не увез ни Чичиков, ни *бойкий мужчина* [19. С. 145]; преобразуется вещный мир: «Шляпа колоколом подняла глаза, изумилась, но затем как-то оживилась, лицо в этой шляпе тоже было помято несчастьем» [19. С. 144]. Здесь наблюдается характерно гоголевское пристрастие к метонимии, когда в «Мертвых душах» описывается куртка, которая «своротив голову набок и положив ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протокол...» [20. С. 141]. В тексте очерка совершенно неслучайно зазвучат в адрес *бойкого мужчины* уж слишком чичиковское «пострадать по службе» [19. С. 143], а сам центральный персонаж будет так говорить о своей многоопытности: «Представьте, был в Киевском замке, в Харьковском, в Смоленском, в Московском и, наконец, сюда! Положительно, сто тысяч несчастий!» [19. С. 143].

Отметим, что эпитет *бойкий*, использованный в названии очеркового цикла и заменивший главному герою имя, часто применяется областником по отношению к ссылным аферистам, действующим в Сибири. Так в фельетоне «Осчастливленная Сибирь» (1886 г.) перед читателем предстают преступники Рвач, Балалайкин, Расплюев, которые тоже оказываются «бойкими» [21. С. 12–13], а некий самозванец, бродяга, объявивший «себя литератором Крестовским» (герой очерка «Гениальные преступники – актеры», опубликованного в ноябре 1885 г.), пишет «бойкие» стихи [22. С. 11].

Ориентированность на гоголевскую традицию находим и в письмах Ядринцева Г.Н. Потанину:

Тип Чичикова у меня разобран с другой точки для одной критической статьи. Я поставил его в параллель с Мисс Шарп (Ярмарка Тщеславия Теккерея). Эти два художественных произведения и великие таланты, затронувшие одну и ту же тему, не были никогда еще сопоставляемы. Разница только в обществах: в Англии – тщеславные глупцы, эксплуатируемые умной мошенницей, у нас – добрые олухи в руках смышленного Павла Ивановича [23. С. 141].

В фельетоне «Сибиряки-эгоисты и цивилизаторы-альтруисты», посвященном мифологизированному образу Сибири и ссылке, сибирский патриот актуализирует гоголевское наследие, выводя в качестве своего оппонента образ Ноздрева из поэмы «Мертвые ду-

ши»: «Узнав с первого раза в этом просветителе и распространителе сведений о Сибири известного Ноздрева, я не думал опровергать его и жалел только о тех, кто был настолько беден умственно, что самого Ноздрева мог принимать за провозвестника истины и света» [24. С. 9].

В гоголевско-щедринском духе Ядринцев дает говорящие фамилии своим героям. В его очерках попадают и намеренно жуткий перифраз *бывший торговец человеческим мясом*, и Запиванский, и Александра Ивановна Великанша [19. С. 152], и «неопрятная фигура местного ходатая Мышеловкина», и Расплюев [19. С. 153], и Грошкин [19. С. 154]. Все перечисленные именованные отличаются намеренной неблагозвучностью, что ставит их в один ряд с гоголевскими Держимордой и Ляпкиным-Тяпкиным, а также с целой галереей щедринских градоначальников и «ташкентцев».

Но почему именно Н.В. Гоголь оказывается таким важным и притягательным для творчества областника? Чтобы ответить на поставленный вопрос, обратимся к публицистической статье «Н.В. Гоголь и его областное значение» (1886 г.), написанной «по поводу юбилея “Ревизора”» [25. С. 94].

Н.М. Ядринцев, используя имя прославленного писателя, стремится сделать его «своим», крайне осторожно обосновать его принадлежность формируемому литературному канону прежде всего фактом областного происхождения: «Гоголь принадлежит, конечно, всей России, но в том числе он служил и каждой из областей, и его услуги неоценимы здесь. Начнем с его кровного родства с областью». [25. С. 96]. Кровное родство подпитывается, по мысли сибиряка, тем, что областные впечатления питают раннее творчество Гоголя [25. С. 96].

Примечательна одна фраза Ядринцева, сказанная о предшественнике и имеющая большое значение в контексте разговора о каноне: «Посмотрите на эти очерки и типы из народной жизни, трудно не прозреть в них прародителя “писателя народного быта”, *создавшего целую школу*» [25. С. 96]. То есть *Гоголь становится у истоков традиции, становится учителем*, а его знаменитая пьеса, юбилей которой позволил Ядринцеву актуализировать имя уже почившего творца в литературной жизни последней трети XIX в., *формирует* сатирически-обличительное *направление*, весьма близкое Ядринцеву.

Примечателен финал статьи, позволяющий яснее понять отношение Ядринцева к Гоголю:

Как часто стоны и вопли бедного писателя раздаются из глубокой провинции! Сколько еще здесь невидимой борьбы, работы и «невидимых слез», когда учитель увенчивается лаврами. Если бы великие покойники могли слышать, как хрустят кости современного писателя там, в глуши, на прокрустовом ложе жизни, они бы услышали слова Остапа: «Батько, слышишь ли?».

Помяните же вы, многострадальные областные писатели, великого учителя в час его славы! [25. С. 100].

Областник дважды называет своего великого предшественника учителем, использует гоголевскую аллюзию для создания символической связи, ощущения преемственности. Отметим неочевидный момент.

Связывая образ измученного провинциального писателя с образом гоголевского Остапа, а образ великого предшественника – с Тарасом Бульбой, к которому обращен приведенный в цитате вопрос, Н.М. Ядринцев осмысляет литературную традицию в категориях родства («Батько»), акцентирует обращение *достойного сына* к подразумеваемому *великому* отцу.

Установка на подражательность М.Е. Салтыкову-Щедрину прослеживается и в эпистолярном наследии областника: «О лакействе провинциального общества, о подражании всему столичному (исключая только хорошее) я напишу вскоре особый фельетон в щедринском духе» [23. С. 205].

Вообще в письмах к Г.Н. Потанину, Н.М. Ядринцев, осмысляя какие-либо события общественной и литературной жизни, использует отсылки к Щедрину: «В рецензии для читателя я указал, что этот тип истинного ташкентца, едущего в благословенную страну, “где раки зимуют”. И серое ополченское пальто, и разухабистый тон, и бутылки наливки, и заезжанье по сторонам, неизвестно как, неизвестно зачем, все, как у Щедринского ташкентца. Это – “он”! (Не слишком ли?)» [23. С. 56]. Или в другом письме: «Разве это не “ташкентцы”-журналисты, какими рисовал их Щедрин» [23. С. 60].

Частые отсылки к имени М.Е. Салтыкова-Щедрина и героям его очерков и романов (наблюдается это в письмах от 12/7 1872, 24/7 1872, 30/8 1872, 29/11-2/12 1872, 8/12 1872, 28/2 1873, 14/3 1873, 4/4 1873) позволяют заключить, что Ядринцев и Потанин весьма прилежно читали все, что выходило из-под пера сатирика, и, следовательно, воспринимали его творчество как образец.

В 1887 г. Н.М. Ядринцев вернется к изображению типов ссыльных: на страницах газеты «Восточное обозрение» он поместит два очерка «Без стыда – без совести», снабдив их подзаголовком «Портреты и типы уголовной ссылки». «Литературный» след здесь еще сохраняется: «неинтеллигентный», по классификации Ядринцева, преступник своей ложью во время следствия создает «целый роман» [26. С. 12], «его увлекает только поэзия сочинительства» [26. С. 13], а «культурный» растет в *литературной* среде, ворует *романы* из отцовского шкафа и мечтает о литературной славе [27. С. 11–12]. Однако поэтика анализируемых очерков принципиально меняется: областник больше не использует предшествующую традицию, не опирается на прецедентные тексты. Говоря о ссыльных, он отказывается от иронических характеристик, не называет своих персонажей *бойкими*, *пострадавшими по службе*, отказывается от изысканных эвфемизмов («...рассказан был в одной корреспонденции следующий случай о “благородных джентельменах”, наполняющих “по несчастью” сибирские города и занесенных сюда недобровольно» [28. С. 10]); их заменяют прямые оценки, характеристики: «Как в жизни, так и в тюрьме эти люди представляют один из гаденьких, мелких, но, тем не менее, опаснейших типов. Таких арестантов товарищи в тюрьме величают “шпанкой” (мелкая, мелкотравчатая порода кур)» [26. С. 13].

Таким образом, Н.М. Ядринцев, изображая ссылку в Сибирь и ссыльных, опирается на следующие прин-

ципы построения произведения: это и пристальное внимание к речи героев, к их портретам, и попытка осмыслить разнообразные судьбы ссыльных как *типичные*, а их обладателей – как представителей какого-либо определенного *типа*. Областнику свойственно также использование прецедентных текстов: опора на уже известные сюжеты и образы русской литературы, именование собственных героев именами персонажей, придуманных Н.В. Гоголем и М.Е. Салтыковым-Щедриным.

Зачем Н.М. Ядринцев акцентирует в некотором смысле собственную «вторичность», подчеркивая влияние Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина?

Ядринцев, как мы говорили ранее, располагается на периферии поля литературы, поэтому в существующем литературном пантеоне он никакого места не занимает. Следовательно, обращение к творчеству Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, переработка их образов позволяет легитимировать собственное место в поле литературы, включиться в литературную жизнь и транслировать областническую программу. В роли союзника фигура Гоголя, уже утвердившегося в

поле литературы и успевшего приобрести значительный символический капитал, оказывается очень выгодной для Ядринцева. Если объявить автора «Мертвых душ» «своим», то создаваемая областническая литература уже не кажется маргинальной, она приобретает традицию и может продолжить развитие.

В некотором смысле творимая Ядринцевым областническая сибирская литература представляет собой бриколаж (по К. Леви-Строссу [29. С. 168]): черты поэтики, приемы, образы и герои собираются из «доступного материала», того, что оказалось под рукой, однако областник тщательно подходит к «источникам» заимствований, создавая отношения преемственности между текстами, претендующими на звание классических, и своими собственными. Н.В. Гоголь, ушедший из жизни в самом начале второй половины XIX в. (1852 г.), и М.Е. Салтыков-Щедрин, скончавшийся в 1889 г., оказались близкими областнику по творческому методу, а включение этих фигур в нарождающийся областнический канон делало его легитимным, придавало ему особый символический вес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 368 с.
2. Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 266 с.
3. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова ; отв. ред. О.А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2015. 752 с.
4. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении : иллюстрированное 16 сибирскими видами и типами / [рис. А.В. Евреинова, Добровольского, фот. Чарушина, А.М. Сибиряковой]. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Изд. И.М. Сибирякова, 1892. [XVI], 720 с. : ил.
5. Серебрянников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004. 308 с.
6. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с.
7. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3 (62). С. 109–128.
8. Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 216 с.
9. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонова. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 672.
10. Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература. 1998. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp-pr.html>
11. Дубин Б. Идея «классики» и ее социальные функции // Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре : сб. статей. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 9–42.
12. Дубин Б. К проблеме литературного канона в нынешней России // Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре : сб. статей. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 66–76.
13. Günther Hans. Прощание с советским канонам // Revue des études slaves. 2001. Vol. 73, Is. 4. La littérature soviétique aujourd'hui. P. 713–718.
14. Каспэ И. Классика как коллективный опыт: литература и телесериалы // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 452–489.
15. Гронас М. Диссенсус. Война за канон в американской академии 80-х – 90-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 6–18.
16. Гронас М. Безмянное узнаваемое, или канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 68–86.
17. Лану А. Формирование литературного канона русского романтизма // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 35–67.
18. Бурдье П. Поле литературы // Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2014. С. 365–472.
19. Литературное наследие Сибири. Т. 4 [авт. вступ. статьи: В.К. Коржавин, Н.Н. Яновский]. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное изд-во, 1979. 348 с.
20. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. Т. 6. Мертвые души. Ч. 1 / ред. изд.: Н.Ф. Бельчиков, Н.И. Мордовченко, Б.В. Томашевский; текст и коммент. подгот. В.А. Жданов, Э.Е. Зайденшнур. Л., 1951. 923 с.
21. Восточное обозрение. 1886. № 13.
22. Восточное обозрение. 1885. № 46.
23. Ядринцев Н.М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1: (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.). Красноярск, 1918.
24. Восточное обозрение. 1886. № 2.
25. Литературное наследие Сибири. Т. 5 [сост. Н.Н. Яновский]. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное изд-во, 1980. 408 с.
26. Восточное обозрение. 1887. № 28.
27. Восточное обозрение. 1887. № 38.
28. Восточное обозрение. 1886. № 51.
29. Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / пер. с фр. А.Б. Островского. М. : Академический Проект, 2008. 520 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 27 июня 2021 г.

A “Voyage” from Russia to Siberia: Images of the Exiled in Nikolai Yadrintsev’s Prose and the Experience of Forming the Regional Literary Canon

The research was funded by the RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20-412-243001.

The article analyzes a group of Nikolai Yadrintsev's texts on exile to Siberia: *The Russian Community in Prison and Exile* (1873), several sections of the fundamental work *Siberia as a Colony in Geographical, Ethnographic, and Historical Terms* (1892), essays about the life of exiled prisoners "On the Stranger's Side" (1872–1885), "A Brisk Man and a Hundred Thousand Misfortunes" (1885), as well as literary and critical articles of different years. N.V. Serebrennikov, K.V. Anisimov, A.V. Remnev, S.I. Goldfarb, I.A. Aizikova, and E.A. Makarova comprehended Yadrintsev's creative heritage. However, the methods of creating images of heroes, features of typing, as well as images of exile remained outside the scope of scholarly discussion, and the tendencies that forced the regional author Yadrintsev to resort to one or another form of the text's plot construction were not identified. Therefore, the aim of this article was to explain the mechanisms of interaction between Yadrintsev and his contemporary literary tradition, and the specifics of the literary canon he forms. To conduct the research in the given direction, the author turns to the theoretical heritage of a number of scholars. The creative path of a regional writer is considered within the framework of P. Bourdieu's theory of social fields. To analyze correctly the specifics of the Siberian writer's perception and use of literature, which was named classic half a century later, the author analyzed his experience of a rupture with his youthful dreams about the autonomy of Siberia and the subsequent way to building a dialogue between the "metropolis" and the "colony" (the appropriating of the "capital"), referred to the concept of the "canon" and used scholarly works by G. Bloom, M. Yampolsky, B. Dubin, I. Kaspé, M. Gronas, and A. Lanoux. The analysis revealed that, in his works, Yadrintsev uses a quasi-dialogue of the narrator-guide with the reader, typification when creating scenes and characters, as well as a number of cultural allusions. The writer uses them to appeal to the reader's memory and the reader's literary background. Yadrintsev deliberately emphasizes the similarity of his own characters to those of Gogol and Saltykov-Shchedrin. The regional Siberian literature created by Yadrintsev is a bricolage: features of poetics, techniques, images, and characters are collected from the available materials. The Siberian writer carefully approaches the sources of borrowings, creating a relationship of continuity between texts claiming the title of classic and his own. In some cases, Yadrintsev declares a writer with a significant symbolic capital, but far (in every sense) from Siberia, a teacher in philosophical and moral aspects (as it was with Ivan Turgenev, for example) with the aim of including this writer in the canon and giving legitimacy to the emerging regional tradition.

REFERENCES

1. Dameshek L.M., Remnev A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe lit. obozrenie
2. Ayzikova, I.A. & Makarova, E.A. (2009) *Tema pereseleniya v Sibir' v literature tsentra i sibirskogo regiona Rossii 1860–1890-kh gg.: problema dialoga* [The theme of resettlement in Siberia in the literature of the center and the Siberian region of Russia in the 1860s–1890s: the problem of dialogue]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Yadrintsev, N.M. (2015) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [The Russian community in prison and exile]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii.
4. Yadrintsev, N.M. (1892) *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii: illyustrirovannoe 16 sibirskimi vidami i tipami* [Siberia as a Colony in Geographical, Ethnographic, and Historical Terms: Illustrated with 16 Siberian views and types]. 2nd ed. St. Petersburg: Izd. I.M. Sibiryakova.
5. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the formation of regional literature]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of the literature of Siberia of the 19th – early 20th centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Remnev, A.V. (2011) *Natsional'nost' "sibiryak": regional'naya identichnost' i istoricheskiy konstruktivizm XIX v.* ["Siberian" nationality: Regional identity and historical constructivism of the 19th century]. *Politiya*. 3 (62). pp. 109–128.
8. Gol'dfarb, S.I. (1997) *Gazeta "Vostochnoe obozrenie" (1882–1906)* [Vostochnoe Obozrenie newspaper (1882–1906)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
9. Blum, H. (2017) *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vseh vremen* [The Western Canon: The Books and School of the Ages]. Translated from English by D. Kharitonov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Yampol'skiy, M. (1998) *Literaturnyy kanon i teoriya "sil'nogo" avtora* [Literary canon and the theory of a "strong" author]. *Inostrannaya literatura*. 12. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp-pr.html>
11. Dubin, B. (2010) *Ideya "klassiki" i ee sotsial'nye funktsii* [The idea of the "classic" and its social functions]. In: *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [The classic, later and today: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 9–42.
12. Dubin, B. (2010) *K probleme literaturnogo kanona v nyneshney Rossii* [On the problem of the literary canon in today's Russia]. In: *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [The classic, later and today: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 66–76.
13. Günther, H. (2001) *Proshchaniye s sovetskim kanonom* [Farewell to the Soviet Canon]. *Revue des études slaves*. 73 (4). pp. 713–718.
14. Kaspé, I. (2009) *Klassika kak kollektivnyy opyt: literatura i teleserialy* [The classic as a collective experience: literature and television series]. In: Savel'eva, I.M. & Poletaev, A.V. (eds) *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Classic literature and classic writers in social and humanitarian knowledge]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 452–489.
15. Gronas, M. (2001) *Dissensus. Voyna za kanon v amerikanskoj akademii 80-kh – 90-kh godov* [Dissensus. The War for the Canon in the American Academy in the '80s and '90s]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 51. pp. 6–18.
16. Gronas, M. (2001) *Bezimyannoye uznavaemoe, ili kanon pod mikroskopom* [The nameless recognizable, or the canon under the microscope]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 51. pp. 68–86.
17. Lanoux, A. (2001) *Formirovaniye literaturnogo kanona russkogo romantizma* [Formation of the literary canon of Russian Romanticism]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 51. pp. 35–67.
18. Bourdieu, P. (2014) *Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Translated from French. St. Petersburg: Aletey-ya. pp. 365–472.

19. Yanovskiy, N.N. et al. (eds) (1979) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 4. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo.
20. Gogol', N.V. (1951) *Mertvye dushi* [Dead Souls]. In: Bel'chikov, N.F. et al. (eds) *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete works: In 14 vols]. Vol. 6. Part 1. Leningrad: USSR AS.
21. *Vostochnoe obozrenie*. (1886) 13.
22. *Vostochnoe obozrenie*. (1885) 46.
23. Yadrinsev, N.M. (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrinseva k G.N. Potaninu* [Letters from Nikolai Mikhailovich Yadrinsev to G.N. Potanin]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Izd. red. zhurn. "Sibirskie zapiski".
24. *Vostochnoe obozrenie*. (1886) 2.
25. Yanovskiy, N.N. et al. (eds) (1980) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo.
26. *Vostochnoe obozrenie*. (1887) 28.
27. *Vostochnoe obozrenie*. (1887) 38.
28. *Vostochnoe obozrenie*. (1886) 51.
29. Lévi-Strauss, C. (2008) *Totemizn segodnya. Nepriruchennaya mysl'* [Totemism. The savage mind]. Translated from French by A.B. Ostrovskiy. Moscow: Akademicheskij Proekt.

Received: 27 June 2021